

**ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ПАКТОВ
О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА (К 50-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ)**

А. С. Исполинов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 29 января 2017 г.

Аннотация: *рассматривается практика толкования и применения положений двух международных пактов о правах человека. Показано, что их толкование оказалось менее смелым, чем толкование аналогичных положений региональных соглашений о правах человека, даваемое региональными судами. В качестве одного из объяснений этого феномена указывается разница в адресатах толкования для региональных судов (страны одного региона) и для Комитетов, где адресатами являются более 160 самых различных стран со своими культурными, политическими и правовыми традициями.*

Ключевые слова: *пакты о правах человека, Комитет по правам человека, толкование, применение.*

Abstract: *the author considers a practice of interpretation and allocation of the two international Covenants of human rights by specifically created for these purposes within framework of the Covenants Human rights Committees. The author posits that interpretation made by the Committees appeared to be modest in comparison to the jurisprudence of the regional human rights courts. As one of the explanations of this phenomena the author present a difference in the addressees of the interpretations for the regional courts of human rights (countries of the same region) and for the Human rights Committees where the addressees are more than 160 counties with different political, cultural and legal traditions.*

Key words: *International Covenants of human rights, Human rights Committee, interpretation, application.*

В 2016 г. общественность отметила 50-летие пактов о правах человека, ставших первыми в истории универсальными международными договорами о защите прав человека. Вместе с Декларацией о правах человека 1948 г. эти два пакта образуют триаду документов, получившую название Международного билля о правах человека. Полувековая практика применения пактов представляет собой крайне интересный материал для анализа, приводящий к неожиданным выводам и вносящий новые нюансы в важнейшие проблемы современного международного права и международного правосудия.

Начать следует с того, что пактам, на самом деле, гораздо больше лет, если принимать во внимание 20-летнюю историю их разработки. Еще в 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН на своей первой сессии рассмотрела проект Декларации о правах человека и направила его в Комитет о правах человека для разработки Международного билля (конвенции) о правах человека.

Желание СССР видеть в качестве приоритетных социально-экономические права и не менее активное желание западных стран считать таковыми гражданские и политические права привело к тому, что в итоге абсолютно сознательно было принято решение подготовить два документа – Пакт о гражданских и политических правах и Пакт об экономических, социальных и культурных правах – и предоставить государствам самим решать, как и в какой очередности эти договоры подписывать.

Первый пакт содержал так называемые права первого поколения (если следовать классификации поколений прав человека, предложенной К. Васаком¹), подразумевающие негативные обязательства государств (не лишать жизни, не пытаться, не препятствовать и т.д.). При этом предполагалось, что эти обязательства вступают в силу для государств немедленно с момента их присоединения к этому пакту.

Второй пакт регулировал права второго поколения – вопросы занятости, труда, образования, здравоохранения, социального обеспечения. Они подразумевали позитивные обязательства для государств: что-то предпринять, что-то сделать, например обеспечить достаточный уровень жизни. С учетом различных возможностей государств и разного уровня их развития предполагалось постепенное осуществление ими признаваемых в пакте прав.

Оба пакта стали также первыми универсальными соглашениями по правам человека, которые предусматривали механизмы по мониторингу и контролю за соблюдением государствами своих обязательств. Речь о создании Суда по правам человека не шла, это было бы слишком смело для того времени. Тому же Европейскому суду по правам человека, который был создан в 1950 г., потребовалось почти 50 лет, чтобы европейские страны согласились в 1998 г. на его обязательную юрисдикцию.

В рамках каждого пакта создавался Комитет по правам человека в составе 18 экспертов с признанной репутацией и необходимой квалификацией. В юрисдикцию Комитетов входило:

а) рассмотрение докладов государств об исполнении ими своих обязательств по пактам, причем доклады должны были предоставляться по истечении года с момента присоединения государства к пакту или по требованию Комитета;

б) рассмотрение межгосударственных жалоб, при условии предварительного признания государством права Комитета принимать их;

в) рассмотрение жалоб частных лиц на действия государств, причем порядок такого рассмотрения регулировался отдельным факультатив-

¹ К правам первого поколения относятся гражданские и политические индивидуальные права, исторически появившиеся первыми. К правам второго поколения К. Васак относит социальные, экономические и культурные права, получившие признание после Второй мировой войны. Третье поколение прав представлено правами на здоровую окружающую среду, устойчивое развитие, правом на культурное наследие (см.: *Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: The Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. Nov. 19. P. 28–29).*

ным протоколом к каждому пакту. Факультативность протоколов заключалась в том, что государства могли стать участниками одного или обоих пактов, но при этом не присоединяться к протоколам.

Рассматривая доклады и жалобы, Комитеты при установлении фактов нарушения государствами своих обязательств по пактам могли лишь делать рекомендации об устранении выявленных нарушений, при этом никакой компенсации заявителям или санкций за неисполнение рекомендаций не предусматривалось. Сами же Комитеты не являлись постоянно действующими органами, собираясь лишь на ограниченное время в течение календарного года.

Оба пакта (как и факультативный протокол к первому пакту) вступили в силу в 1976 г. Разработанный гораздо позже факультативный протокол к Пакту об экономических, социальных и культурных правах вступил в силу в 2013 г. Сейчас уже очевидно, что принятие в 1966 г. пактов заслуженно стало событием в мировой политике и в международном праве. Тем не менее за 50 лет стало очевидно следующее.

Во-первых, оба пакта отличает почти всеобщее участие государств. В Пакте о гражданских и политических правах состоит 168 государств (вне пакта остаются 29 стран). В Пакте о социально-экономических и культурных правах состоят 164 государства (вне пакта – 33).

Не менее интересен список государств, решивших остаться вне того или иного пакта. США отказались ратифицировать второй пакт, посчитав неприемлемым для себя право на всеобщую занятость. Китай участвует только во втором пакте. Вне обоих пактов остаются Саудовская Аравия, Катар, Арабские Эмираты, Бахрейн, Малайзия, Куба.

Гораздо меньше стран оказались готовы предоставить своим гражданам право подавать жалобы в Комитеты. Вне протокола к Пакту о гражданских и политических правах остаются 70 стран, среди них: США, Великобритания, Индия, Китай, почти все страны Ближнего и Среднего Востока и даже Швейцария. В факультативном протоколе к Пакту о социально-экономических и культурных правах пока участвует 21 страна.

Россия является участником обоих пактов и протокола к первому пакту, однако пока остается вне протокола ко второму пакту.

Во-вторых, не менее интересной оказалась жизнь пактов после их вступления в силу. Оба пакта отличает крайне высокая степень абстракции при формулировании прав человека. В качестве примера можно привести провозглашенное в первом пакте право на жизнь; при этом за рамками остается такой фундаментальный вопрос как момент возникновения этого права – с момента рождения ребенка или раньше? Любая попытка дать ответ на данной вопрос означает и попытку решения крайне противоречивой и очень чувствительной для общества проблемы абортов. Не менее важным является вопрос о соотношении права на жизнь с правом на смерть, здесь мы сталкиваемся с такой серьезной проблемой, как эвтаназия.

Комитеты по правам человека, получая доклады от государств и жалобы от частных лиц, оказались перед необходимостью толкования лако-

ничных положений пактов, чтобы наполнить их конкретным содержанием, применив их к конкретной рассматриваемой ситуации. Теоретически такое толкование может быть дано и всеми государствами – участниками пактов, но на практике реальность того, что будет найден консенсус всех 160 стран по конкретной ситуации, является ничтожной. Комитеты, которым государства делегировали функцию контроля за исполнением другими государствами своих обязательств по пактам, оказались более удобным инструментом для такого толкования, накопив за годы своей деятельности весьма обширную и интересную практику.

Исследователи отмечают, что государства, как правило, следуют в своей практике толкованию, данному Комитетами, и случаи открытого несогласия с выводами Комитетов достаточно редки². В качестве примера такого противостояния можно привести открыто выраженное несогласие США и Великобритании с мнением Комитета об экстерриториальном применении Пакта о гражданских и политических правах. В 2005 г. Комитет по правам человека в рамках Пакта о гражданских и политических правах выпустил Общий комментарий (аутентичное толкование, не имеющее при этом обязательной силы), в котором он заявил, что «государства-участники в соответствии с п. 1 ст. 2 должны уважать и обеспечивать права по данному Пакту всем лицам, находящимся на их территории или под их юрисдикцией», допуская тем самым экстерриториальное применение пакта³. В том же 2005 г. США в своем объединенном втором и третьем докладах пришли к выводу, что «обязательства, принятые на себя государством – участником пакта, применяются только на территории данного государства»⁴.

Интересно, что свое мнение о юридической силе рекомендаций Комитета по правам человека в 2010 г. высказал Международный суд ООН в решении по делу Diallo. Суд заявил, что при осуществлении своих судебных функций он ни в коей мере не связан толкованием Пакта о гражданских и политических правах, данным Комитетом, которое будет лишь учитываться при толковании пакта Международным судом ООН⁵. Тем не менее Международный суд ООН указал, что практике Комитета должен быть придан «особый вес», поскольку Комитет был создан именно с целью контроля за применением государствами пакта.

В-третьих, чтобы дать толкование тех или иных положений пактов, Комитетам (так же как и любым международным и национальным су-

---

² См.: *Mechlem K. Treaty Bodies and the Interpretation of Human Rights // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 920.*

³ См.: Human Rights Committee, General Comment No. 31, Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant, U.N. Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13 (May 26, 2004).

⁴ U.N. Human Rights Comm., Third Periodic Reports of States Parties Due in 2003: United States of America, U.N. Doc. CCPR/C/USA/3 (Nov. 28, 2005), Annex I. para. 109.

⁵ ICJ, *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of Congo)*, Merits, Judgment [2010] ICJ Rep 639, para. 66.

дам) нужны были запросы в виде жалоб или исков. И здесь статистика дает неожиданные цифры. За все время существования Комитетов в них не поступило ни одной межгосударственной жалобы, хотя именно этот вариант виделся наиболее реалистичным при разработке пактов. Вместе с тем, как и в международных судах, «выстрелили» жалобы частных лиц, которые остаются главным драйвером всей практики Комитетов по толкованию и применению пактов. В рамках первого пакта Комитет получил 2756 жалоб; рассмотрел 1155, из них нарушения были найдены в 975 случаях⁶. В рамках второго пакта получено 13 жалоб⁷, но там право частных лиц на жалобы появилось в 2013 г.

В-четвертых, используемая Комитетами техника толкования пактов оказалась не такой смелой и изощренной, как у региональных судов по правам человека, таких как Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) и Межамериканский суд по правам человека. Оба Суда рассматривают свои конвенции как «живой инструмент», который надо толковать исходя из потребностей сегодняшнего развития общества, а не отталкиваясь от намерений государств на момент разработки текста⁸.

Такой сдержанный подход Комитетов по правам человека волне объясним. Следует исходить из того, что толкование международных договоров – это всегда процесс убеждения адресатов толкования в том, что оно необходимо, корректно и аргументировано. Необходимо также принимать во внимание очевидную разницу в адресатах толкования, которое дают региональные суды, и которое предлагают Комитеты. Комитеты просто вынуждены учитывать, насколько отличаются его адресаты толкования – государства – участники пакта, среди которых есть страны богатые и бедные, христианские и мусульманские, авторитарные и демократические. Понимая, что невозможно представить одно толкование нормы пакта для развитых стран и другое толкование той же нормы для развивающихся государств, Комитеты вынуждены искать некий общий знаменатель, который устроил бы все (или почти все) страны-участницы. Бывший член Комитета по правам человека, ставшая потом Председателем Международного суда ООН, Розали Хиггинс так описывала эту ситуацию выбора: «...что может быть подходящим и чувствительным для

⁶ Statistical survey of individual complaints dealt with by the Human Rights Committee under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights, March 2016. URL: <http://www.ohchr.org/en/hrbodies/cescr/pages/cescrindex.aspx>

⁷ Statistical survey of individual complaints dealt with by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights under the Optional Protocol to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, May 2016. URL: <http://www.ohchr.org/en/hrbodies/cescr/pages/cescrindex.aspx>

⁸ ЕСПЧ впервые сфокусировал эту доктрину в своем решении по делу *Tyler v United Kingdom*, App no 5856/72, 25 April 1978, para. 31. Межамериканский суд по правам человека сформулировал схожий подход в консультативном заключении: *The Right to Information on Consular Assistance in the Framework of the Guarantees of the Due Process of Law*, Advisory Opinion OC-16/99, 1999 Inter-Am. Ct. H.R. (ser. A) No. 16, para. 114–15 (Oct. 1, 1999).

западноевропейских демократий, необязательно подходит для глобальной системы, включающей в себя самые разнообразные политические и экономические системы»⁹.

Велик риск толкования, которое окажется неприемлемым для государств. Как показывает история пактов, ответная реакция государств на неприемлемое толкование может быть самой жесткой, вплоть до выхода из-под юрисдикции Комитета или даже из всего международного договора в целом.

Так, две карибские страны – Ямайка и Тринидад и Тобаго – не колебались в отношении выбора ответных действий по отношению к рекомендациям Комитета Пакта по гражданским и политическим правам, который не учел особенности этих стран. В начале 1990-х гг. обе страны перешли к решительным мерам по борьбе с тяжкими преступлениями, сделав в том числе смертную казнь в качестве обязательной меры наказания за умышленное убийство. Как результат Комитет по правам человека начал получать многочисленные жалобы от приговоренных к смертной казни, которые в ожидании утверждения приговора всеми судебными инстанциями проводили в камере смертников по 3–4 года.

Следуя практике ЕСПЧ, Комитет по правам человека, начиная с дела Pratt, стал рассматривать длительное рассмотрение апелляций заявителей на смертные приговоры как нарушение Пакта о гражданских и политических правах и рекомендовал изменить приговоры на более мягкие¹⁰. Чувствуя за собой поддержку населения, которое устало от разгула преступности, оба государства незамедлительно вышли из факультативного протокола к первому пакту¹¹.

В-пятых, пакты оказались в состоянии горизонтальной конкуренции с остальными контрольными органами, созданными в рамках других универсальных конвенций о правах человека. Помимо Комитетов, созданных в рамках пактов, в системе ООН в настоящее время действуют еще восемь других комитетов, образованных в рамках универсальных специализированных конвенций о правах человека. Все они выполняют те указанные выше функции, что и Комитеты, включая право рассматривать жалобы частных лиц. Это неизбежно порождает несколько проблем.

О первой проблеме весьма красноречиво высказался Л. Хелфер, посетовав, что «весь объем универсальных норм о защите прав человека не существует в виде единого комплексного договора или кодекса. Скорее наоборот, права и свободы разбросаны по сложной паутине пересекающихся универсальных, региональных и специализированных соглашений, многие из которых содержат идентичные, сходные или даже противоречащие друг другу стандарты. С учетом децентрализованной системы

---

⁹ *Higgins Rosalyn*. The United Nations: Still a Force for Peace // *Modern Law Review*. 1989. Vol. 52. P. 8.

¹⁰ Pratt, [1994] 2 A.C. at 24–26.

¹¹ Более подробно об этом см.: *Helffer L*. Overlegalizing Human Rights: International Relations Theory and the Commonwealth Caribbean Backlash Against Human Rights Regimes // *Columbia Law Review*. 2012. Vol. 102. P. 1832–1911.

индивидуальных жалоб на универсальном уровне это создает весомые резоны для индивида для выбора наиболее удобного места для рассмотрения своей жалобы (*forum shopping*)»¹².

Однако гораздо более серьезно смотрится проблема различных толкований комитетами идентичных положений соответствующих конвенций. А. Харрингтон видит в этом опасность фрагментации защиты прав человека на универсальном уровне, которая как раз и заключается во множестве комитетов, куда может обратиться с жалобой частный заявитель¹³. По ее мнению, разбросанность основных прав и свобод человека по нескольким международным договорам, а также наличие нескольких путей для обжалования одних и тех же действий государств заявителями отнюдь не создает большей целостности в понимании и в гарантированности прав человека.

В-шестых, еще большая конкуренция развернулась между пактами и региональными системами по защите прав человека (европейской, американской и африканской), в рамках которых были созданы полноценные суды, получившие право выносить обязательные решения и присуждать заявителям хоть какую-то компенсацию, что разительно отличало их в лучшую сторону от таких квазисудебных органов, как комитеты.

Поистине уникальная ситуация сложилась в Европе, где все страны участвуют в пактах; признавая юрисдикцию комитетов, они почти все участвуют в Европейской конвенции о правах человека 1950 г., которая предусматривает обязательную юрисдикцию ЕСПЧ, а 28 стран являются членами Европейского союза, у которого есть своя Хартия основных прав, успешно применяемая Судом ЕС. В этой ситуации неудивительно, что пакты и созданные в их рамках Комитеты играют в Европе мало-заметную роль. В этом отношении показательны цифры, относящиеся к российским заявителям, выбор которых вполне очевиден. Начиная с 1991 г., комитет пакта по социальным и политическим правам получил из России всего 118 жалоб¹⁴; при этом ЕСПЧ только за 2015 г. рассмотрел 6172 жалобы российских граждан¹⁵.

В-седьмых, оказалось, что у пактов крайне низкая степень исполнимости государствами как своих обязательств по пактам, так и решений Комитетов. 20 % государств вообще ни разу не представили свои отчеты

---

¹² *Helper L.* Forum shopping for human rights // *University of Pennsylvania Law Review*. 1999. Vol. 148. № 2. P. 285–400.

¹³ См.: *Harrington A.* Don't Mind the Gap: The Rise of Individual Complaint Mechanisms Within International Human Rights Treaties // *Duke Journal of Comparative & International Law*. 2012. Vol. 22. P. 181.

¹⁴ Statistical survey of individual complaints dealt with by the Human Rights Committee under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights, March 2016. URL: <http://www.ohchr.org/en/hrbodies/cescr/pages/cescrindex.aspx>

¹⁵ ECHR. 2015. Annual report. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2015_ENG.pdf

в Комитеты, как того требуют пакты¹⁶. Уровень исполнения решений Комитета первого пакта при рассмотрении им жалоб частных лиц еще ниже – 12 %¹⁷, в то время как уровень исполнения решений ЕСПЧ – 80 %¹⁸.

Возникает вопрос: какие выводы можно сделать из этой статистики (а это и показатель восприятия государствами толкования, даваемого судами и комитетами)? Решения международных судов исполняются чаще, чем решения квазисудебных учреждений, в силу уже упомянутой разницы в обязательности решений и самого авторитета судебной власти. То есть восприятие толкования и исполнение решений зависят от того, от кого они исходят.

Кроме того, восприятие толкования зависит и от того, кому оно адресовано. У ЕСПЧ адресатами решений являются европейские государства, у которых имеется схожее понимание в отношении содержания конкретных прав человека и аналогичное видение ценностей. Комитеты, созданные в рамках пактов, имеют в качестве адресатов своих решений широкий и неоднородный круг государств, у которых различное понимание содержания закрепленных в пактах прав. Например, права на достаточное питание и достаточное жилище однозначно будут по-разному восприниматься в сытой Европе и в голодной Африке. В этой ситуации всегда будет достаточное количество стран, не принимающих то или иное толкование, данное комитетом.

Помимо этого, в исполнении государствами своих обязательств по пактам имеются и другие особенности. Государства, которые разрешили гражданам подавать жалобы в Комитеты, стараются в целом исполнять свои обязательства более аккуратно, чем те, которые этого не делали. Однако главный парадокс, отмечаемый исследователями на основе анализа обширного материала, состоит в том, что ратификация пактов отнюдь не всегда означает улучшение ситуации с правами человека в данной стране. О. Хатауэй, который первым отметил эту особенность, исходит из двойственной роли, которую играет ратификация международных договоров о правах человека, полагая, что по своей природе договоры носят инструментальный и в то же время экспрессивный характер¹⁹. Инструментализм состоит в том, что эти договоры создают нормы, призванные изменить практику государств, а экспрессивный характер заключается в желании государств посредством ратификации показать другим странам, всему миру приверженность защите прав человека, причем не всегда эта позиция является

---

¹⁶ Strengthening the United Nations human rights treaty body system. A report by the United Nations High Commissioner for Human Rights. Navanethem Pillay. June 2012. UN Doc. A/66/860 (2012) 94 (Pillay report), p. 21.

¹⁷ Report of the HRC, UN Doc. A/64/40 (Vol. I) (Oct. 2008–Jul. 2009), para. 232.

¹⁸ См.: Posner J. E. Judicial Independence in International Tribunals // California Law Review. 2005. Vol. 93. P. 53.

¹⁹ Hathaway Oona A. Do Human Rights Treaties Make a Difference? // The Yale Law Journal. 2002. Vol. 111, p. 2025.

искренней. В этом случае ратификация используется как заменитель реальных улучшений ситуации с правами человека.

Еще один парадоксальный вывод из ситуации с соблюдением государствами своих обязательств по пактам состоит в том, что предложение об усилении контроля за государствами и привлечении их к ответственности может натолкнуться на несколько серьезных препятствий и в принципе оказаться контрпродуктивным.

Во-первых, система контроля и мониторинга, заложенная в пактах в 1966 г., оказалась неважно приспособленной для современного адекватного отслеживания ситуации с соблюдением пактов во всех 160 странах-участницах. Известность получил парадокс Н. Пиллэ, названный так по имени Верховного комиссара ООН по правам человека, подготовившей доклад об усилении эффективности комитетов по правам человека, созданных на уровне ООН²⁰. Суть в том, что система мониторинга и контроля в рамках пактов (особенно в случае с Пактом о гражданских и политических правах) действует сейчас на грани возможного только благодаря неполному и несвоевременному исполнению государствами своих обязательств²¹. Собирающиеся на несколько недель в году Комитеты просто не в состоянии обработать все поступившие доклады государств и жалобы частных лиц, что уже привело к увеличению числа нерассмотренных обращений и увеличению сроков рассмотрения до 3–3,5 лет. Во-вторых, вызывает сомнение, что государства в принципе согласятся на такое ужесточение контроля, пожертвовав для этого в принципе комфортной для них мягкостью пактов. Даже если представить, что такие изменения пактов будут согласованы, существует большая вероятность, что новая система более серьезного контроля повлечет за собой выход государств из пактов.

По нашему мнению, близкое к 100 % участие столь разных государств в обоих пактах достигнуто как раз за счет отсутствия санкций и значительной мягкости и гибкости в вопросах соблюдения норм пактов, изначально допускающих какой-то уровень их неисполнения.

Итак, несмотря на то что принятие в 1966 г. пактов о правах человека стало выдающимся событием в международной политике и международном праве, региональные системы защиты прав человека, в первую очередь в Европе и Америке, оказались эффективнее и успешнее, чем пакты, причем не только за счет создания региональных судов, но и за счет более однородной группы адресатов толкования соответствующих договоров о защите прав человека.

Достигнутый в пактах уровень сотрудничества и контроля в настоящее время является тем максимумом, на который готовы пойти госу-

---

²⁰ Strengthening the United Nations human rights treaty body system. A report by the United Nations High Commissioner for Human Rights. Navanethem Pillay. June 2012 UN Doc. A/66/860 (2012) 94.

²¹ *Shany Y.* The Effectiveness of the Human Rights Committee and the Treaty Body Reform // The Hebrew University of Jerusalem, Faculty of Law. Research Paper No. 2–13.

дарства на универсальном уровне, изначально допускает некий люфт в исполнении обязательств по этим соглашениям. Именно поэтому сегодня иллюзорны высказываемые предложения о создании Всемирного суда по правам человека (World Court of human rights), который по замыслу инициаторов этого проекта должен прийти на смену Комитетам по правам человека и имел бы при этом обязательную юрисдикцию не только в отношении пактов, но и в отношении 21 универсальной конвенции о правах человека, заключенных на уровне ООН²². Данное положение подвергнуто серьезной критике²³.

Иллюзорность этих предложений заключается в том, что в настоящее время невозможно представить согласие государств на создание Международного суда, который в своих решениях предлагал бы обязательное толкование норм пактов и других универсальных конвенций, единое для всех государств мира.

---

²² См.: *Nowak M.* The Need for a World Court of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2007. № 7. P. 251–259.

²³ См.: *Alston P.* Against a World Court for Human Rights // *Ethics & International Affairs*. 2014. Vol. 28, Issue 2. P. 197–212.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Исполинов А. С., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права

E-mail: ispolinov@inbox.ru

Tel.: 8-903-969-19-92

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Ispolinov A. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department

E-mail: ispolinov@inbox.ru

Tel.: 8-903-969-19-92